

ИЗМЕНА.
33 САНТИМЕТРА ЛЖИ

ЕВА ВЕРЕСК

Ева Вереск

Измена. 33 сантиметра лжи

«Литнет»

2025

Вереск Е.

Измена. 33 сантиметра лжи / Е. Вереск — «Литнет», 2025

- Boucheron. Змея. Вчера. Это... не мне, правда? - сказала Элина, тихо глядя на чек. - Дорогая, ты все выдумываешь! Просто подарок важному клиенту...
- Лжешь. Как насчет клиентки Арины? Твоего нового парфюма? Твоих рук, которые меня больше не хотят? Мой идеальный муж. Его «совещания допоздна». Ее новый парфюм на его воротнике. Чек на кольцо со змеей – моей единственной фобией. Мой брак умер. А я – только что родилась заново.♥#Короткий любовный роман: читается быстро и легко ♥#ХЭ для героини

© Вереск Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

Солнечный луч, игривый и наглый, пробился сквозь щель между дорогими портьерами — тяжелыми, цвета слоновой кости, с едва заметным рельефным узором, который я сама выбирала в миланском шоу-руме два года назад, — и упал прямо мне на веко. Теплый, настойчивый, требовательный. Я зажмурилась, потянулась всем телом, чувствуя, как хрустят позвонки после долгой ночи в одной позе, и позволила себе еще мгновение не выбираться из теплого кокона шелковых простыней. Просторная спальня в стиле мягкого минимализма, где каждая вещь — от итальянского постельного белья до абстрактной картины над изголовьем — стоила больше моей месячной зарплаты флориста, была залита утренним золотом. Свет играл на матовых поверхностях, отражался в огромном зеркале во всю стену, дробился в хрустальных подвесках люстры, которую Артём заказал у какого-то модного венецианского мастера. Тишина. Идеальная, стерильная тишина нашего дома. Нашего. Пока еще.

Я провела ладонью по холодной шелковистой простыне с другой стороны кровати. Пусто. Гладко. Ни единой складки, ни единой вмятины от тела. Артём уже ушел. Как обычно. Как всегда в последние месяцы. «Ранняя планерка, дорогая», — наверняка шепнул он мне на прощанье, целуя в лоб, пока я спала. Или притворялась, что сплю. Потому что иногда проще не видеть, как он избегает моего взгляда, спеша выскользнуть из двери, словно наш дом был не уютным гнездом, а клеткой, из которой ему не терпелось сбежать. Я научилась притворяться спящей виртуозно — замедленное дыхание, расслабленные веки, легкий румянец на щеках. Иллюзия безмятежности. Она давалась мне все легче с каждым утром. Может быть, потому что вся наша жизнь в последнее время превратилась в одну большую иллюзию.

Я села на край кровати. Босые ноги утонули в плюшевом ковре цвета топленого молока — мягком, как мох, стоившем целое состояние. Пальцы погрузились в высокий ворс, и на мгновение я ощутила странный контраст между этой тактильной роскошью и той внутренней пустотой, что разрасталась в груди с каждым днем. Обняла себя, глядя в огромное зеркало во всю стену. Элина. Тридцать два года. Длинные, чуть выющиеся каштановые волосы, в которых кое-где уже проглядывали серебристые нити — свидетельства бессонных ночей и тихой, грызущей изнутри тревоги. Артём когда-то обожал запутывать их в своих пальцах, наматывать на руку, притягивая меня ближе для поцелуя. Я помню это ощущение — легкое натяжение у корней, его горячее дыхание на моей шее, его низкий смех, когда я делала вид, что сопротивляюсь. Глаза — «цвета шторма», как он говорил раньше. Серо-голубые, с темным ободком и золотистыми искрами, которые вспыхивали, когда я смеялась или злилась. Сейчас они казались мне просто серыми, подернутыми утренней дымкой невысказанного, потускневшими, как старое серебро, которое забыли начистить. Стройная фигура, которую я тщательно поддерживала йогой и бегом — не столько для него, сколько для себя, чтобы чувствовать контроль хоть над чем-то в этом хрупком, ускользающем мире нашего «счастья». Чтобы помнить, что мое тело все еще принадлежит мне, даже если все остальное уже утекает сквозь пальцы, как сухой песок.

Наш дом. Наша крепость. Артём купил его три года назад, после своего головокружительного взлета в инвестиционном бизнесе. Я помню тот день до мельчайших подробностей. Был октябрь — прозрачный, золотой, с запахом прелой листвы и дымом костров где-то вдалеке. Он завязал мне глаза своим шелковым галстуком, вел за руку, а я смеялась и спотыкалась на гравийной дорожке. «Все для тебя, Лина», — сказал он тогда, вращая ключ в замке и снимая повязку. В его глазах — усталых, но сияющих, с красными прожилками после очередной бессонной ночи за проектом — было столько гордости и нежности, что у меня перехватило дыхание. И я поверила. Верила в его усталые, но сияющие глаза, в его обещания, в его клятвы, произнесенные в этом самом холле, где эхо еще не поселилось, где каждая стена дышала надеждой. Теперь эти стены, покрашенные в модные оттенки серого и бежевого —

«греческий камень», «туманный рассвет», «парижский туман», все эти вычурные названия из каталога, — казались мне декорациями слишком дорогой, но бездушной пьесы. Идеально, но... холодно. Как его прикосновения в последнее время. Как его поцелуи — быстрые, сухие, в лоб или в щеку, словно он боялся испачкаться о мои губы.

Я закрыла глаза, позволив волне прошлого накрыть меня с головой. Это был мой тайный ритуал — нырять в воспоминания, как в теплое море, чтобы хоть на несколько минут забыть о пронизывающем холоде настоящего. Лето. Наша поездка в Тоскану два года назад. Мы сняли старый фермерский дом на холме — каменные стены толщиной в метр, терракотовая черепица, увитая плющом веранда. Запах кипарисов, нагретой солнцем черепицы, розмарина и лаванды, растущих прямо у порога. Артём... он был другим. Нетерпеливым. Жаждающим. Его глаза горели не тем холодным, расчетливым огнем азартного игрока с Уолл-стрит, а живым, горячим пламенем. Я помню, как он прижал меня к прохладной каменной стене виноградника еще до того, как мы успели дойти до спальни. Помню шершавый камень, впивающийся в спину сквозь тонкую ткань летнего платья, и его горячие ладони на моих бедрах. Его губы были горячими и влажными, руки — грубыми в своей нетерпеливой страсти, срывая с меня легкое платье цвета лаванды. Звук разрываемой ткани — я потом смеялась, что он испортил мое любимое платье, а он говорил, что купит мне десять новых, сто, тысячу, весь мир, только позволь ему любить меня так, как он хочет — неистово, до дрожи, до темноты в глазах. Помню, как я вскрикнула от неожиданности и восторга, когда он поднял меня, обвившую его ногами за талию, и вошел в меня прямо там, под ослепительным итальянским солнцем. Помню запах раздавленных виноградных листьев, его соленый пот на моих губах, его прерывистый, хриплый шепот: «Ты моя... вся моя... без остатка...». Соки спелого винограда, смешанные с потом и его семенем на моей коже, на моих бедрах, на моем животе... Это было дико, неконтролируемо, настояще. Мы не могли насытиться друг другом. Дни сливались в ночи, наполненные смехом, вином, долгими разговорами о пустяках и о вечности, и его телом во мне снова и снова — на кухонном столе среди крошек хлеба и оливкового масла, в бассейне под мерцание звезд, на крыше под раскидистым небом Тосканы, где Млечный Путь казался рекой из алмазной пыли. Он смотрел на меня тогда так, будто я была центром его вселенной. Будто все его сделки, миллионы, контракты были лишь способом сделать меня счастливой. Будто я была его истинным севером, его путеводной звездой, его единственным смыслом.

Я открыла глаза. Зеркало вернуло мне отражение. Одинокая женщина в слишком большой спальне. Центр вселенной? Скорее, удобный элемент интерьера его успешной жизни. Как эта ваза на комод — дорогая, красивая, но функционально бесполезная. Пыль собирает. Страсть Артёма давно перекочевала в его работу, в его бесконечные таблицы, графики, звонки, совещания. Или... куда-то еще? Эта мысль явилась непрошеной, как холодный сквозняк из-под двери. Я гнала ее уже несколько недель, но она возвращалась снова и снова, наглая, упрямая, как солнечный луч, разбудивший меня сегодня.

Тревога, как мелкая назойливая мошка, зажуужала в висках. Этот звук — высокий, вибрирующий, неотвязный — стал моей постоянной спутницей последние... месяцев шесть? Семь? Трудно сказать, когда именно это началось. С тех пор, как его «совещания допоздна» стали нормой, а не исключением. Сначала я верила. Приносила ему в кабинет чай с мятой и медом, ставила на край стола, стараясь не потревожить разложенные бумаги. Делала расслабляющий массаж плеч, когда он наконец появлялся за полночь, пахнувший дорогим виски, усталостью и чужими сигаретами, хотя сам не курил уже пять лет. Его мышцы под моими пальцами были жесткими, как канаты, а кожа — липкой от усталости. Но потом появились другие запахи. Легкий, едва уловимый шлейф незнакомых духов — нечто цветочно-мускусное, сладковатое, слишком молодое. Слишком сладкое. Слишком громкое. Не мой стиль. Не его... раньше. Раньше он говорил, что любит мой аромат — горьковатый, с нотами ветивера

и бергамота, «запах умной женщины», как он это называл. А теперь от его пиджаков пахло ирисками и жасмином.

Вчерашний вечер всплыл в памяти во всех деталях. Он пришел поздно, снова. Я ждала. В новом черном шелковом белье — бра и трусики, отделанные тончайшим кружевом цвета ночного неба, — которое купила, надеясь... на что? На чудо? На то, что вид моего тела в этом дорогом, вызывающем белье пробудит в нем прежний голод? Я сидела в гостиной, подобрав ноги под себя, делая вид, что читаю книгу. Слова расплывались перед глазами. Сердце колотилось где-то в горле. Он вошел, бросил ключи на консоль с таким грохотом, будто швырнул горсть монет, даже не взглянув в мою сторону. «Привет», — пробормотал сквозь зубы, направляясь напрямик в душ. Даже не заметил. Даже не увидел этого чертова кружева, которое я выбирала два часа в дорогом бутике, краснея под оценивающими взглядами молоденьких продавщиц, гадавших, для кого эта замужняя дама покупает такое откровенное белье. Когда он вышел из душа, закутанный в белое махровое полотенце, капли воды стекали по его все еще подтянутому торсу — результат утренних пробежек и персонального тренера. Когда-то этот вид заставлял мое сердце биться чаще, а низ живота — сжиматься в сладкой судороге предвкушения. Сейчас — лишь щемящая пустота под ложечкой и холод в кончиках пальцев. Он прошел мимо, чтобы надеть пижаму. Не задержался. Не взглянул.

— Артём, — голос мой прозвучал тише, чем хотелось. Жалобно. Как у просителя. Я ненавидела себя за этот звук. — Поговорим? Он обернулся, его взгляд — не фокус внимания, а скорее рассеянное скольжение, как луч фонарика, который даже не пытается ничего осветить. «О чем, дорогая? Я выжат как лимон. Работа — ад. Корейцы опять выкинули фортель, пришлось пересчитывать всю модель до полуночи». Он подошел — три шага, каждый отдавался в моей груди глухим ударом, — поцеловал меня в лоб: быстрый, сухой, ничего не значащий поцелуй. Его губы были холодными и плотно сжатыми. — Спокойной ночи. Я не сдалась. Когда он лег, отвернувшись к стене, я прижалась к его спине, обняла, провела ладонью по его животу, ниже... Моя рука искала знакомый отклик, тепло, жесткость — то, что раньше возникало мгновенно, почти рефлекторно, от одного моего прикосновения. Он замер. Не отстранился резко, но... его тело стало непроницаемой стеной. Я ощутила, как напряглись все мышцы его спины — от шеи до поясницы. Никакой ответной реакции. Ни единой. Только напряженная, каменная спина под моей ладонью. Я чувствовала каждый позвонок, каждое ребро — но не его желание.

— Лина, пожалуйста, — его голос прозвучал устало и... раздраженно? Этот оттенок — едва уловимый, но безошибочно узнаваемый, — резанул по сердцу острее ножа. — Я просто хочу спать. Не сейчас. Он взял мою руку — свою ладонь поверх моей, — аккуратно, но неумолимо убрал ее с себя, словно убирают со стола ненужный предмет, и отвернулся. Я лежала, уставившись в потолок — белый, идеально ровный, без единой трещинки, — чувствуя, как жар стыда и обиды разливается по щекам, по шее, по груди, стекает в живот горячей, тошнотворной волной. «Не сейчас». Эта фраза становилась его мантрой. «Не сейчас» в спальне. «Не сейчас» для разговоров. «Не сейчас» для моих просьб, моих страхов, моих слез, которые он даже не видел. Когда же будет это «сейчас»? Или его «сейчас» теперь принадлежит кому-то другому? Кому-то, кто носит сладкие духи и не задает вопросов?

Утро. Я бродила по дому, словно призрак. Мои шаги — босые ноги по теплому деревянному полу — не издавали ни звука. Я была тенью в собственном доме. Навела порядок, который никто не нарушал — поправила и без того ровно лежащие подушки на диване, вытерла несуществующую пыль с журнального столика. Полила орхидеи в зимнем саду — еще один символ нашего благополучия, эти капризные, экзотические цветы, требующие постоянного ухода, которые я завела, чтобы заполнить чем-то пустоту дней. Они смотрели на меня своими причудливыми, похожими на лица цветами, и я чувствовала себя такой же — красивой, дорогой, но полностью зависящей от чужой заботы. Заварила кофе в умной кофемашине, подаренной Артёмом на прошлый Новый год («Чтобы у тебя всегда был идеальный эспрессо, солнышко»

— он тогда еще улыбался, и в его глазах было что-то похожее на нежность). Кофе был горьким. Как и мысли. Я пила его без молока и сахара, и горечь оседала на языке, напоминая вкус наших последних разговоров — коротких, сухих, полных недосказанности.

Он забыл телефон. Редкая оплошность для моего всегда собранного мужа, который не забывал даже мелочей — дней рождений партнеров, названий их любимых ресторанов, имен их жен и детей. Его телефон, обычно приклеенный к ладони, сейчас лежал на кухонном острове — черный, холодный прямоугольник, хранящий все его секреты. Или ключи к ним. Я замерла, глядя на него. Сердце забилося чаще — гулко, тяжело, отдаваясь в висках. Рука сама потянулась к нему. Пальцы дрогнули. Отдернулись. Снова потянулись. Это было низко? Подло? Да. Но что-то более сильное, чем мои принципы, толкало меня вперед. Я знала пароль — дату нашей свадьбы. Ирония? Или удобная привычка, которую он не удосужился изменить? Я взяла гаджет. Тяжелый, как грех. Металлический корпус холодил ладонь. Провела пальцем по экрану, вводя цифры: день, месяц, год. Экран послушно загорелся, приветствуя меня знакомыми иконками. Прошерстила мессенджеры — ничего подозрительного в последних диалогах. Слишком чисто? Все беседы были деловыми, сухими, лаконичными. Соцсети — он редко постил, лента пуста. Его аватар — фото с того самого корпоратива. Звонки... В основном коллеги, клиенты, партнеры. И одно имя — Арина Соколова. Молодая амбициозная аналитик из его команды. Звонили они вчера поздно вечером. Долго. Двадцать три минуты. Я знала ее — миловидную блондинку с хищным блеском в глазах и слишком громким смехом на последнем корпоративе. Она тогда висела у него на руке, смеялась слишком громко, запрокидывая голову так, что ее длинные светлые волосы почти касались его плеча. Ее пальцы с ярким маникюром то и дело касались его предплечья — «случайно», «невесомо». Я отмахнулась тогда: «Работают вместе, что тут такого?» Но в груди уже шевельнулось что-то — холодное, скользкое, как змея, пробуждающаяся после спячки. Теперь этот звонок резанул, как ножом по натянутому нерву. Двадцать три минуты. Поздно вечером. О чем можно говорить двадцать три минуты с коллегой в одиннадцать часов вечера?

Я положила телефон на место — экраном вниз, в точности как он лежал, — будто обожглась. Отдернула руку, словно от раскаленной плиты. Что я делаю? Выискиваю призраков? Подозреваю любимого человека без доказательств? Превращаюсь в параноика, роющегося в чужом телефоне, как ревнивая истеричка из анекдотов? Но доказательства были... в мелочах. В его мимолетных раздражениях, когда я спрашивала о его дне. В том, как он стал вдруг тщательнее следить за собой — новая стрижка, более стильная, более молодежная; новый, слишком яркий галстук, бордовый с золотой нитью, который я бы никогда не выбрала; тот самый чужой парфюм, сладкий и навязчивый. В его взгляде, который скользил мимо меня, будто я стала частью обоев — чем-то фоновым, привычным, не заслуживающим внимания. В том, как он перестал задавать вопросы о моем дне. В том, как его улыбка — редкая гостья в нашем доме — стала адресованной исключительно экрану телефона.

Мне нужно было отвлечься. Руки требовали работы, голова — ясности. Я решила разобрать вещи из химчистки. Простое, механическое занятие, которое не требовало мыслей. Его костюмы висели в шкафу — безупречные, дорогие, как броня. Темно-синие, угольно-серые, черные. Ряды рубашек — белых, голубых, в тонкую полоску. Галстуки, свернутые в аккуратные рулоны. Я достала один костюм — темно-синий, шерсть с кашемиром, тот самый, в котором он был на последней конференции. Повесила на вешалку, провела рукой по лацканам, чувствуя под пальцами тонкую, дорогую ткань. Что-то шуршало в кармане пиджака. Мелочь? Чек? Визитка? Артём часто забывал всякую ерунду по карманам — я находила то монеты, то чеки из ресторанов, то обрывки бумаг с торопливыми записями.

Я сунула руку в глубокий карман. Внутренний, потайной, тот, что у сердца — горькая ирония анатомии этого пиджака. Нашупала не монету, не визитку, а сложенный плотный прямоугольник бумаги. Достала. Чек. Не из супермаркета или АЗС. Логотип. «Boucheron». Самый

дорогой ювелирный магазин в городе — тот, что на главной улице, с затемненными окнами и охранником в ливрее у входа. Я никогда там не была — это было не мое место, я чувствовала себя неуютно среди витрин с бриллиантами ценой в квартиру.

Кровь отхлынула от лица, ударив в виски — горячая, пульсирующая волна. Рука дрогнула. Я развернула бумагу. Да, Boucheron. Сумма заставила меня присвистнуть мысленно — столько нулей, что в глазах зарябило. Покупка: *Serpent Bohème Ring, white gold, diamonds*. Змеиное кольцо Боэм. Я могла представить его — изящная змейка из белого золота, свернувшаяся в кольцо, с мелкими бриллиантами на чешуе и крошечными изумрудами вместо глаз. Изысканное, дерзкое, молодое. И... дата: вчерашний день.

Вчера. День, когда у него было это «совещание допоздна». День, когда он пришел домой выжатым и отверг меня в постели. День, когда он долго разговаривал по телефону с Ариной Соколовой. Двадцать три минуты. И кольцо-змея.

Мое дыхание перехватило. Воздух в легких вдруг стал плотным, вязким, как сироп. Я сжала чек так сильно, что бумага смялась в кулаке, острые края впились в ладонь. Это не подарок мне. Мой день рождения был полгода назад — он подарил мне тогда сертификат в СПА-салон, дежурный, безличный, купленный, наверное, секретаршей за пять минут до праздника. Годовщина — через три месяца. И я ненавидела змей. Боялась их с детства — до дрожи, до холодного пота, до крика. Тот случай в террариуме, когда мне было семь, и удав выполз из-за стекла... Артём знал. Знал прекрасно. Я рассказывала ему на третьем свидании, как он отнесся с такой нежностью, обнимая меня и шепча, что теперь всегда будет защищать от всех змей в этом мире.

Ледяная волна прокатилась по позвоночнику, сковывая мышцы, выжигая все внутри. Не гнев. Не печаль. Пока только ледяное предчувствие. Острое, режущее, как осколок разбитого зеркала нашего идеального мира. Оно впилося в самое сердце, замораживая его, превращая в ком снега. Я стояла посреди нашей шикарной гардеробной — среди рядов его безупречных костюмов, начищенных ботинок, шелковых галстуков — сжимая в руке доказательство его лжи, и смотрела на свое отражение в огромном зеркале. В глазах женщины, глядевшей на меня, не было слез. Слезы придут позже. Пока там была только нарастающая, всепоглощающая тишина — та особая, звенящая тишина, что наступает за секунду до того, как рухнет мир.

Глава 2

Чек из «Boucheon» лежал в моей шкатулке с украшениями, спрятанный под бархатной подкладкой, как яд, как улика, как неразорвавшийся снаряд. Я не могла его выбросить — он был доказательством, единственным материальным подтверждением того, что я не сошла с ума. Каждое утро, открывая шкатулку, чтобы надеть скромные сережки — жемчужные гвоздики, подарок матери, — я видела его уголок. Белая бумага с золотым тиснением. И ледяное предчувствие сменялось волной тошноты, а потом — жгучим, всепоглощающим стыдом.

Стыд за то, что я стала этим. За своей спиной я слышала осуждающий шепот — воображаемый, но от этого не менее реальный: «Параноичка», «Ревнивая истеричка», «Сама виновата, если муж ищет внимания на стороне», «Что ты ему даешь?», «Посмотри на себя — вечно в этих своих джинсах и с пучком на голове, а вокруг столько молодых и красивых». Я ненавидела себя за эту слабость, за эту навязчивую идею, которая пустила корни в моем мозгу и превратила меня в злобного, подозрительного наблюдателя. Я смотрела в зеркало и не узнавала женщину, которая смотрела на меня в ответ. У нее были мои глаза, мои скулы, мои губы — но выражение лица было чужим. Затравленным. Измученным. Она стала сыщиком в собственном доме, шпионом в собственной жизни. Но остановиться было невозможно. Это было похоже на зуд под кожей, который только усиливался от расчесывания — чем больше я копала, тем сильнее чесалось, тем глубже я погружалась в эту ядовитую трясику.

Наблюдение 1: цифровая пыль. Артём был призраком в соцсетях. Его профиль — лаконичная визитка успешного финансиста: фото в деловом костюме, сухие строчки об образовании и опыте, минимум личного. Последний пост — фото с корпоратива годовой давности, где мы улыбались в объектив, его рука обнимала мою талию — сейчас это фото казалось злой пародией, насмешкой над моей слепотой. Но Арина Соколова... Ее страница была взрывом красок, селфи, коктейлей, спортзала, мотивирующих цитат на фоне закатов. И словно злой рок, почти под каждым ее постом, сделанным в последние месяцы, горела синяя галочка «Нравится» под его именем. Артём Волков. Он ставил лайки ее фото в купальнике на пляже Бали — командировка в апреле? Он тогда сказал, что летит в Сингапур, один, «скучнейшие переговоры». Ее селфи с коктейлем в модном баре — в тот вечер, когда у него было «совещание с иностранными партнерами». Ее пост о новой книге по финансам с подписью «Учусь у лучших! ##» — с этой подмигивающей эмодзи, которая казалась мне издевательски интимной. Ему нравилось. Ему нравилась она. Каждый синий значок был крошечным ножом, вонзающимся в мое самолюбие, оставляя крошечную, кровоточащую ранку. Я листала ее ленту, как завороченная, часами, пока глаза не начинали слезиться от напряжения, пока шея не затекала, пока за окном не начинало светать. Я выискивала подтекст, намек, еще одну зацепку — в ее улыбке, в его лайках, в том, как она позировала на фоне офисного центра, в котором работал Артём. Это было унижительно. Унижительнее, чем я могла себе представить. И неопровержимо.

Наблюдение 2: территория врага. «Случайность» требовала подготовки. Я продумала все до мелочей. Надела свое самое эффектное платье — темно-зеленое, шелковое, то самое, в котором он когда-то сказал, что я свожу его с ума одним своим видом, в котором он не мог оторвать от меня глаз на благотворительном вечере. Нанесла безупречный макияж — ровный тон, smoky eyes, нюдовую помаду, которая, как уверяли в журналах, подчеркивает естественную красоту. Пахла своими дорогими духами — теми, что он когда-то выбирал для меня сам в парижском бутике, вдыхая аромат с моего запястья и говоря, что это запах нашей любви. Мне нужно было увидеть. Увидеть их вместе? Увидеть его реакцию? Я сама не знала. Я припарковалась у его офисного центра — огромной стеклянной громадины, символа его успеха, от которого мне теперь было физически плохо. Меня мутило от одного вида этого здания. Сердце колотилось, как птица в клетке — отчаянно, болезненно, неровно. Ладони вспотели,

и я сжимала руль, чтобы унять дрожь. Я вошла в холл — мраморный, прохладный, с фонтаном посередине, — стараясь идти уверенно, стуча каблуками по полированному полу, высоко подняв голову. «К Артёму Волкову, пожалуйста. Я его жена. Забыла ключи...» — солгала я секьюрити с милой улыбкой, чувствуя, как фальшь обжигает губы. Лифт поднимался на 25-й этаж мучительно медленно — каждая цифра на табло отдавалась в груди ударом сердца. Когда я вышла в просторный орен-спасе с панорамным видом на город, первое, что я увидела — ее. Арина. Она стояла у окна — стройный силуэт на фоне городского пейзажа, — что-то оживленно обсуждая с коллегой. Молодая, подтянутая, в облегающем деловом платье серого цвета, подчеркивающим все достоинства — узкую талию, длинные ноги, высокую грудь. На ее руке — тонкая золотая цепочка. Не кольцо? Или кольцо надевают после работы? Мысль пронеслась, как молния, обжигая.

И тут появился он. Артём. Шел из переговорной с важным видом — спина прямая, плечи развернуты, — что-то диктовал ассистентке, молоденькой девушке с блокнотом, которая сидела рядом. Увидел меня. Его лицо, только что собранное и уверенное, на миг исказилось чистой, неподдельной паникой. Как у ребенка, пойманного за руку в вазе с печеньем. Глаза расширились, рот приоткрылся, брови взлетели вверх. Он быстро овладел собой — маска вернулась на место за долю секунды, — но этот миг, этот крошечный миг, я его поймала. Я сфотографировала его в своей памяти с такой четкостью, какой не даст ни один фотоаппарат.

— Лина? Что случилось? — он подошел, голос звучал неестественно громко, слишком бодро, фальшиво. Он поцеловал меня в щеку — сухо, по-деловому, как целуют дальнюю родственницу на официальном приеме. Его глаза метались, избегая моего взгляда, скользнули в сторону Арины. Я поймала этот взгляд. Быстрый, тревожный, какой-то лихорадочный. Так смотрят на сообщника, когда появляется опасность.

— Ничего страшного, — мой голос звучал подозрительно спокойно даже для меня самой. Я сама удивлялась, как ровно он звучит, как не дрожат губы, как не срывается на крик. — Забыла ключи от машины у тебя вчера? Кажется, в пиджаке. Заехала забрать. Не помешала?

— Нет-нет, конечно! — он засуетился, рука непроизвольно коснулась галстука, поправила его. — Я сейчас посмотрю... Или ты подождешь в моем кабинете? Хочешь кофе? Чай? Воды?

— Не стоит, я спешу, — я улыбнулась, чувствуя, как эта улыбка режет мне губы, словно я растягиваю их лезвием. — Просто отдай ключи, если найдешь.

Ключей, конечно, не нашлось. Он нервно перерыл стол — ящики выдвигались и задвигались с грохотом, бумаги летели на пол, — бормоча что-то невнятное. Я стояла, ощущая на себе тяжелые взгляды сотрудников — любопытные, оценивающие, сочувствующие. И взгляд Арины — оценивающий, чуть насмешливый, с тенью превосходства. Я выдержала его. Прямо. Холодно. Как смотрят на пустое место. Она первая отвела глаза — с деланным безразличием, но я успела заметить, как дернулся уголок ее рта. Уезжая, я посмотрела в зеркало заднего вида. Мое лицо было маской — безупречной, фарфоровой, неподвижной. Но внутри все горело. Его паника... Его взгляд на нее... Это было важнее тысячи лайков. Это было признанием. Безмолвным, но оглушительным.

Наблюдение 3: холодные цифры. Его машина. Дорогой, мощный внедорожник — черный, блестящий, с кожаным салоном, пахнущим дорогим одеколоном и едва уловимым чужим присутствием. Его «крепость на колесах». Я знала примерный пробег — когда-то он сам просил меня записывать для налоговой. Каждое утро, пока он был в душе — эти пятнадцать минут, когда шум воды заглушал все звуки, — я выходила в гараж. Холодный, пахнущий бензином, резиной и металлом. Включала фонарик телефона, освещала цифры на приборной панели. 23785 км. Записала в скрытую заметку дрожащими пальцами. Через день: 23820 км. Он проехал 35 км за день. Офис и обратно — максимум 15. Остальные 20 — куда? На следующий день: 23900 км. 80 км. «Совещание» в другом конце города? Или... визит к ней? В ее квартиру

в новом модном квартале — я знала адрес, нашла в его навигаторе среди «недавних мест», — который как раз был в 20 км от нас? От нажатия кнопки «домой» до ее адреса — ровно 20 км. Туда и обратно — 40. Плюс офис... Цифры складывались в убийственную картину. Я стояла в холодном гараже, в свете телефонного фонарика, глядя на эти цифры, как на шифр, разгадка которого принесет только боль. И снова стыд. Я — Элина, умная, талантливая женщина — превратилась в шпиона, скрывающегося в гараже собственного дома, крадущегося на цыпочках, вздрагивающего от каждого шороха. Унижение. Оно было гуще и горше страха. Оно обволакивало меня, как липкая паутина, из которой не выбраться.

Я не выдержала. Мне нужно было услышать голос разума. Или просто крикнуть в пустоту. Или чтобы кто-то сказал мне, что я не сошла с ума. Я позвонила Софии. Моей единственной, самой старой и самой бескомпромиссной подруге — мы дружили с университета, прошли вместе через все: экзамены, расставания, ее неудачный брак с музыкантом, мою свадьбу. Мы встретились в маленьком уютном кафе, где нас никто не знал — в том самом, в старом городе, с плетеными стульями и видом на канал.

— Он изменяет, — выпалила я, едва мы сели, не в силах больше держать это в себе. Голос дрожал — предательски, жалобно, по-детски. — Я уверена.

София не удивилась. Не стала успокаивать, не стала говорить «тебе кажется» или «ты преувеличиваешь». Ее карие глаза, всегда такие живые и насмешливые, стали жесткими, как кремль. Она отставила чашку с латте и подалась вперед.

— Черт возьми, Лина, — она хлопнула ладонью по столу, заставив звенеть чашки. — Я знала! Я видела, как он смотрел на ту куклу с распальцовкой на вашем последнем ужине! Что нашел? Говори все!

Я рассказала. Про парфюм — сладкий, чужой, въевшийся в его одежду. Про отстраненность — ледяную, почти брезгливую. Про звонки Арине — двадцать три минуты поздним вечером. Про чек на кольцо-змею — белую, бриллиантовую, с изумрудными глазами. Про лайки — синие, ядовитые, как капли кураре. Про его панику в офисе — животную, неприкрытую. Про пробег — холодные, неумолимые цифры. София слушала, не перебивая, ее лицо становилось все мрачнее, брови сходились к переносице, губы сжимались в тонкую линию.

— Детка, — сказала она, когда я замолчала, с трудом глотая ком в горле, — это не подозрения. Это уже фактология. Он водит тебя за нос, как последнюю дурочку! Как дешевку! Как... как пустое место!

— Но... а вдруг я ошибаюсь? — мой голос прозвучал жалко, по-детски, и я сама его ненавидела. — Вдруг кольцо правда клиенту? Вдруг лайки — просто вежливость? Вдруг пробег... ну, пробки? Я разрушу все, Соф... Нашу жизнь... Если ошибусь... Я буду той, кто уничтожил наш брак из-за паранойи. Я стану злодейкой в этой истории.

София схватила мою руку через стол. Ее пальцы были теплыми и сильными, ногти — коротко остриженными, без маникюра.

— Какую жизнь?! — прошипела она, и в ее голосе звенела ярость. — Жизнь в постоянном стрессе? Жизнь с человеком, который тебя не хочет? Жизнь в доме, который чувствует себя склепом? Ты боишься разрушить ИЛЛЮЗИЮ, Элина! Ту самую картонную декорацию, за которой он прячет свою подлость! Соберись! Ты сильнее этого! Нужны железные доказательства? Найди их! Следы, копай, поставь ему жучок в задницу, наконец! Но не сиди сложа руки, пока он трахает эту выскочку на твои же деньги! — Голос Софии дрожал от праведного гнева, и каждое слово било как хлыстом. — Ты заслуживаешь правды. Даже если она убьет тебя сейчас. Потому что жить в этой лжи — это медленная смерть. Каждый день — капля яда. Ты этого хочешь? Медленно умирать, притворяясь живой?

Ее слова были как удар хлыстом. Больно. Унизительно. Но... отрезвляюще. Она верила мне безоговорочно. И ее вера была тем якорем, который не дал мне утонуть в море собствен-

ных сомнений. Но страх... страх окончательно разрушить то, что еще казалось целым, был сильнее. Он сидел во мне — липкий, холодный, цепкий — и не хотел отпускать.

Вечером того же дня Артём вернулся необычно возбужденным. Не уставшим, не выжатым, каким я привыкла его видеть, а... озабоченным. Энергичным. Почти радостным. Его глаза блестели, движения были порывистыми, и он даже насвистывал что-то в прихожей, снимая пальто.

— Лина, дорогая, — начал он, едва переступив порог, даже не сняв пальто до конца — оно так и висело на одном плече, — ты не поверишь. Срочная командировка. В Питер. Завтра утром. Нагрянули корейские инвесторы, все в авральном режиме. Улетаю первым рейсом, вернусь в воскресенье вечером.

Он говорил слишком быстро, слишком гладко. Как заученную речь. Слишком много деталей, слишком много эмоций. Обычно он говорил о работе сухо и скупое, а тут — целая презентация. Я стояла посреди гостиной, ощущая, как пол уходит из-под ног. Питер. Выходные. Первый рейс. Арина. Имя всплыло в мозгу само собой, яркой неоновой вывеской, ослепительной и пульсирующей.

— В Питер? — мой голос звучал отстраненно, как из соседней комнаты. — На выходные? Так срочно?

— Да! — он кивнул, сбрасывая пальто на диван, небрежно, чего обычно не делал. — Полный бардак. Без меня никак. Отель забронировали... — Он порылся в кармане, достал визитку, протянул мне. — «Гранд Отель Европа». Вот телефон, если что-то экстренное. Но я буду на переговорах, вряд ли смогу ответить. Ты же знаешь этих корейцев — с ними не соскучишься.

Я взяла визитку. Глянцевая бумага с золотым тиснением. Логотип роскошного отеля — тот самый, с короной и переплетенными инициалами. Номер телефона — напечатанный, не написанный от руки. Я ничего не сказала. Просто кивнула. Он поспешил в кабинет — «собрать документы», — и я слышала, как он там возится: открывает ящики, шуршит бумагами, с кем-то коротко говорит по телефону приглушенным голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.